

О ВРЕМЕНИ, О ЖИЗНИ, О СЕБЕ

Яна Брейхова:

Отношения между поколениями — вопрос сложный

СКВОЗЬ застывшие в ночной тишине улицы Праги сгустком яркого света летит полупустой трамвай. Сложный, многоплановый, трехчасовой спектакль, в котором заняты всего три актера, кажется, совсем не утомил Яну Брейхову. Чуть подавшись вперед, стараясь перекрыть громкий металлический перестук трамвайных колес, актриса громко объясняет, как она сама понимает пьесу, в которой только что играла. Входя в трамвай, немногочисленные пражане-получники сразу же узнают актрису.

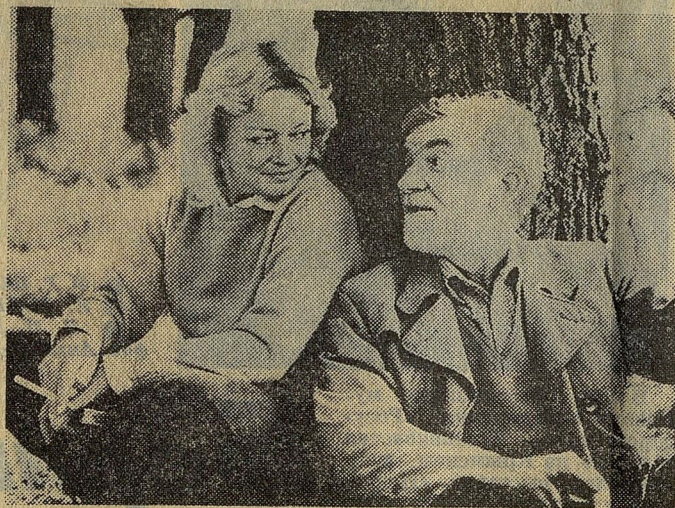
Вот уже несколько вечеров я буквально хожу по пятам за Брейховой и не перестаю ей завидовать. Я заметил ее необыкновенное умение найти верный тон в общении с совершенно разными людьми: с начинающим актером, модным режиссером и курьером с киностудии, маститым живописцем и продавщицей в лавочке. Она любит людей, и они платят ей тем же.

Мы выходим на Малой Стране. Огромная темная луна висит над куполом собора св. Микулаша. В ее серебристом свете купаются черепичные крыши домов на Нерудовой улице. Кажется, что время остановилось, что из распахнутого настежь окна вот-вот послышится заразительный смех юного Моцарта, часто бывавшего здесь, а из темного подъезда барочного дома «У двух солнц» выскользнет закутанный до пят в черный плащ легендарный авантюрист Казанова.

Как-то наш знаменитый актер Верих назвал Малую Страну городом в городе, — рассказывает Яна. — Атмосфера осталась той же, какой ее описал в своих «Малоостранских повестях» Ян Неруда, в ее невысоких домиках все так же живут художники и поэты, чудаки и старожилы Праги. И почти все знают друг друга.

Раньше мы с дочерью жили в новом районе, но я всегда мечтала перебраться сюда, наверное, оттого, что сама выросла далеко от центра, в предместье, в большой семье — у меня восемь братьев и сестер. После долгих лет поисков наконец удалось найти квартиру в этом районе. Впрочем, квартирой это не назовешь — прогнившие полы, осыпавшаяся штукатурка... Ну я вздохнула и взялась за перекладку — так что наша квартира отчасти итог моего творчества. Я вообще люблю заниматься хозяйством — дома актрисе полезно забывать о своей профессии.

Неожиданно для меня останавливаюсь у пивной. На внутренней стороне распахнутых дубовых ставен выведено: «У Бонапарта». Тусклый свет, на столах — перевернутые деревянные стулья, на стенах — портреты надменного императора в треуголке. Тишина закрытого кабака прерывается лишь постукиванием кружек, которые домывает усталый

кельнер с тонким лицом опереточного итальянского контрабандиста.

Мы с дочерью живем прямо над этой пивной, — поясняет Яна, почувствовав мое удивление, — вот и ходим иногда через зал, чтобы с ключами не возиться.

Совсем «по-московски» сидим на кухне, соединенной с гостиной. Яна вспоминает:

Я никогда в отличие от многих девушек не мечтала стать актрисой. И стала ею случайно — кинематографисты искали детей для съемок и пришли в нашу школу. Так повернулась моя судьба, и я благодарна ей за это. Начала сниматься с тринадцати лет, по четыре фильма в год. Но после окончания школы все же пошла работать машинисткой. Родители к тому времени развелись, были полностью поглощены делами своих новых семей, и мне пришлось заботиться о моих младших братьях и сестрах.

Что я думаю об актерской работе? Думаю, что к ней нельзя относиться как к работе. Ею надо жить. Ей надо отдавать всю себя и принимать со всеми ее негативными сторонами. Ведь в нашей профессии огорчений, пожалуй, больше, чем радости. Актер все время должен сомневаться в себе. Во всяком случае меня вопросы преследуют всю жизнь. И пусть о тебе положительно отзываются самые злые критики, пусть звучат похвалы людей, мнение которых ценишь, но, когда остаешься наедине с самим собой, сомнения набрасываются и мучат немилосердно...

Звонит телефон. Это со студии. Яна разговаривает так же, как и смеется, — громко, открыто, не скрываясь. Обожу взглядом комнату. Гладко выбеленные стены, несколько картин современных живописцев — подарки друзей дома. Большой стеной шкаф для хранения костюмов. Просто и удобно. Во всем чувствуется строгая рука хозяйки. Наконец, Яна кладет трубку и продолжает свой рассказ.

Мои родители без всяких эмоций отнеслись к тому, что я стала сниматься в кино. Их

вообще не очень-то занимало, чем я буду заниматься. А вот когда моя дочь Тереза объявила, что собирается поступать на актерское отделение... Тут уж я удивилась и почувствовала укол страха. Это был чисто материнский страх. Лично мне повезло: сразу предложили интересные роли, посчастливилось работать с талантливыми режиссерами, которые стали моими учителями. А как повернется ее судьба? История не повторяется дважды. Пока что Терезка в упоении играет в театре русскую классику, а там посмотрим...

Я могу биться за талантливого человека, но мне никогда и в голову не приходило, что можно «проталкивать» своего ребенка в искусство, пользуясь своими заслугами... Я знаю немало искалеченных судеб, бывших творческих личностей, которые потом начинают чувствовать себя обиженными, непонятыми, говорят, что их затирают, а затем находят утешение в бутылке. Выбраться из замкнутого круга ложных представлений о самом себе невозможно... И я боюсь за свою дочь...

Время бежит очень быстро. Давно уже пражские куранты отбили полночь. Я спешу — мне хочется задать еще несколько вопросов:

— У вас много друзей среди творческой молодежи. В чем их проблемы?

— Это совсем другое поколение — мы были иными. Сегодняшняя молодежь равнодушно взирала на авторитеты. А ведь многие современные молодые люди беспомощны в жизни, несамостоятельны в суждениях. Может быть, оттого, что у нас, родителей, не хватает времени. Нельзя воспитать ребенка человеком, лишь урывками, на бегу, объясняя ему, что в этой жизни хорошо, а что плохо. Отсюда, как мне думается, и то непонимание, которое возникает между поколениями...

Мы возвращаемся к недавней поездке Яны в Москву.

— Я всем сердцем за вашу перестройку, — говорит она, — особенно за то, что происходит в области советского кино. Радует не только серьез-

ность постановки проблем в новых фильмах, но и то, с какой свободой эти картины создаются и попадают к зрителю. А вот нам приходилось сражаться с бюрократами за каждый сценарий, за каждый отснятый метр пленки. Но радует и другое — процесс обновления затрагивает и наше искусство. Зрители снова стали смотреть отечественные фильмы. Появилась целая плеяда новых, интересных режиссеров — В. Соукуп, В. Смычек, И. Свобода, В. Држа. У них разная манера, разный стиль и разные взгляды — поэтому столь различны наши фильмы последних лет. В этом разнообразии мне видится рывок, возрождение нашего киноискусства, а то порой уже начинало казаться, что на «Баррандове» работает всего один режиссер, да и тот плохой...

После некоторой внутренней борьбы я все же задаю традиционный вопрос: «Какую роль вы хотели бы сыграть?» — и тут же получаю ответ:

— Любую в фильме В. Пичула. Я видела «Маленькую Веру» и была потрясена правдивостью этой ленты. Чувствую, мы — единомышленники с этим режиссером. А вообще-то мне хотелось бы создать на экране образ Здены Браунеровой. Это очень интересная личность эпохи нашего национального возрождения. Ей удалось собрать в конце прошлого века на своей мельнице в местечке Розтоки недалеко от Праги общество людей искусства. Это был не обычный богемный салон, а своеобразный политический клуб, который объединил тогда прогрессивную интеллигенцию. Традиция таких объединений у нас после войны, к сожалению, исчезла.

Меня так привлекает характер Здены Браунеровой — тактичной, умной и обязательной, умевшей примирить спорщиков, объединить совершенно разных людей. Старость ее была безрадостной: друзья покинули ее, она влачила жалкое существование и чрезвычайно страдала от одиночества — некому было даже письма писать...

Щелкает диктофон, как бы напоминая — час поздний. Прощаемся. Тусклый лучик фонарика в руке Терезы — дочери хозяйки дома — выхватывает из темноты старые, обшарпанные ступени лестницы. «Будешь в Праге, выпей пива у нашего «Бонапарта» и поднимайся вверх», — смеется Тереза, тряхнув черной челкой. Массивная дверь с легким стуком захлопывается. Умытая ночным дождем, блестит булыжная мостовая старой улицы...

В. ЖУРАВЛЕВ.

(Спец. корр. «Советской культуры»).

ПРАГА — МОСКВА.

● Я. Брейхова и М. Махачек в кинофильме «Скальпель, пожалуйста».